

Кожирова С.Б.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

E-mail: s.kozhirova@yandex.kz

СИНЬЦЗЯН: ЭТНОСЫ И ЯЗЫКИ

Аннотация. Данная статья исследует особенности СУАР как уникального, как в этническом так и лингвистическом плане субъекта КНР. Многообразие национальностей, культур и жизненных укладов, очень часто несовместимых, противоречащих друг другу, ведет к появлению конфликтов. В основе этнополитических конфликтов лежит вопрос о независимости территорий Западного Китая. Этнические проблемы в Синьцзяне вспыхнули с новой силой в связи с усилением позиций фундаментально настроенных мусульман в 90-е годы XX века. Политическая группа «Исламская партия Восточного Туркестана» объявила джихад китайскому правительству, ставя своей целью уничтожить его присутствие в Синьцзяне. Возрождение идей независимости связано с активной деятельностью уйгурской диаспоры за рубежом. Руководство КНР осознает опасность такого положения и принимает различные меры с целью предотвращения кризисов. Основная цель исследования заключается в анализе и степени вовлеченности жителей СУАР в политические и экономические процессы КНР. Дается анализ национальной политики в регионе. Методология включает анализ программ развития, статистических данных и экспертных оценок, а также исследования историографии указанного региона. Основные задачи исследования включают анализ текущего состояния этносов, вовлеченность местных языков в систему образования, дается оценка перспектив этно-религиозного характера. В ходе работы было выявлено новизна статьи – Новые статистические данные по районам собранных на местах позволяют более гибко подходить к прогнозированию будущего развития СУАР. Результаты исследования позволяют лучше продемонстрировать многообразие этнического и лингвистического состава автономного округа.

Ключевые слова: КНР, СУАР, ПКВСНП, Уйгуры, Ханьцы, Ислам.

Введение

Национально-территориальные автономии СУАР КНР осуществляются на трёх территориальных уровнях: автономные районы, автономные округа и автономные уезды, где компактно проживают разные национальности. Этим обусловлена разнородная структура национально-территориального устройства внутри СУАР КНР, включающая 5 автономных округов:

Или-Казахский (здесь вторым по величине этносом после ханьцев являются казахи); Боро-Тала-Монгольский (численность национальных групп в порядке убывания: ханьцы, уйгуры, казахи, монголы и др.); Баянгол-Монгольский (численность в порядке убывания – ханьцы, уйгуры, дунгане, монголы); Чанцзи-Хуэйский (второй по величине этнос после ханьцев – дунгане); Кызылсу-Киргизский (на первом месте по численности уйгуры, на втором – киргизы), 6 автономных уездов, выделенных исходя из национально-территориального принципа, обеспечивают автономное управление других национальных меньшинств, помимо уйгуров. Кроме того, в составе СУАР имеются ещё 7 округов, 4 города, подчинённых автономному району, 16 городов окружного подчинения и 62 уезда.

В ходе инспекционной работы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в начале 2014 года Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что ЦК КПК всегда уделял повышенное внимание работе в Синьцзяне. Данный регион занимает особенно важное и

стратегическое положение в партийной и государственной работе в целом, синьцзянские комитеты КПК и администрации всех уровней должны добросовестно проводить большой политический курс ЦК КПК в отношении работы в Синьцзяне в новых условиях, создать благоприятные условия для удержания и использования исторических шансов, реализации скачкообразного развития в Синьцзяне.

Материалы и методы исследования

Исследование о взаимоотношениях основных этносов с официальными властями включает компаративный анализ, который дает сравнительное изучение и сопоставление экономических, политических и образовательных взаимодействий в СУАР. Используя эмпирический анализ были выявлены интерпритации политиков о дальнейших перспективах в развитии отношений. Качественный и количественный анализ данных предоставил обширный анализ статистических данных, в том числе этно-культурные особенности формирования внутри автономного округа.

Обсуждение

Степень изученности темы можно оценить как выше среднего. За последние десятилетия вышло множество работ посвященных Синцзян-уйгурскому автономному округу во всех возможных аспектах, начиная от экономики и заканчивая политикой. Вместе с тем, многие вопросы этнические и лингвистического характера все еще остаются недостаточно исследованными.

Результаты исследования

Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) является одним из самых многонациональных районов КНР. Согласно переписи 2020 года в Синьцзяне проживало 25,852 млн. чел., в автономном районе проживают представители 48 национальностей. Однако, несмотря на такое этническое многообразие, большая часть населения представлена 11 национальностями. Среди них 8611000 (36,5%) – ханьцы; 11303300 (47,9%) – уйгуры; 1591200 (6,7%) – казахи; 839 837 (4,4%) – дунгане и другие численностью менее 1%. Самая большая национальность – уйгуры, которые составляют около 50% всего населения автономного района.

Уйгуры являются коренным населением. Они проживают по всему Синьцзяну и, в основном, сосредоточены на юге Синьцзяна – Хотан, Кашгар, Аксу, Турфан, Кызылсу, Киргизском автономном районе, Баянгол Монгольском автономном районе, городе Урумчи, Или и других местах. Современные ханьцы в основном – эмигрировавшие китайцы во время династии Цин (1644-1911 гг.), а также в период с 1912 по 1949 гг.

Таблица -1. Национальный состав Синьцзяна (по данным 2015 года) [1]

Народ	Численность	% к общему числу
уйгуры	11 303 300	46,42 %
китайцы	8 611 000	38,99 %
казахи	1 591 200	7,02 %
хуэй (дунгане)	1 015 800	4,54 %
киргизы	202 200	0,88 %
монголы, ойраты и калмыки, дунсян, дауры	180 600	0,83 %

сарыкольцы и ваханцы	50 100	0,21 %
сибо	43 200	0,20 %
маньчжуры	27 515	0,11 %
туцзя	15 787	0,086 %
узбеки	18 769	0,066 %
русские	11 800	0,048 %
мяо	7 006	0,038 %
тибетцы	6 153	0,033 %
чжуаны	5 642	0,031 %
татары	5 183	0,024 %
салары	3 762	0,020 %
Другие ¹	129 190	0,600 %

После образования КНР в 1949 году сюда приехало много молодёжи, демобилизованных солдат и выпускников вузов на работу. Многие мигранты приехали работать на государственной службе. Если раньше китайские власти не обращали особого внимания на образовательный уровень ханьских переселенцев, их военную подготовку, то в 1990-е гг. XX в. в СУАР стараются закрепить тех ханьцев, которые знают местные реалии, хорошо подготовлены в физическом и военном отношении, преданы идее сохранения единства Китая. При этом предпочтение отдается вышедшим в отставку солдатам и офицерам Народно-освободительной армии Китая (НОАК), особенно если они служили в Синьцзяне. Их, а также других ханьцев, прибывших из внутренних районов КНР, китайские власти стараются поселить в районах, непосредственно примыкающих к границе с Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном, а коренное население Синьцзяна побуждается к переселению из приграничья во внутренние области СУАР. Таким путем предпринимается попытка исключить возможность оказания зарубежной помощи сторонникам независимости Синьцзяна внутри СУАР через территорию Центральной Азии.

Казахи в основном проживают в Или-Казахском автономном районе, Мори Казахском и Баришен Казахском автономном уезде, Урумчи, Тянь-Шане и других местах. Дунганцы хуэй проживают в Чанцзи Дунганском автономном районе, автономном уезде Янчи, городе Инин, автономном уезде Хуочен, городе Урумчи и Турфанском регионе. Большинство киргизов в Синьцзяне проживает в Кызылсу киргизском автономном район. Малая часть разбросана по южному Синьцзяну – Уши, Аксу, Яркенд, и других уездах, а также в северном Синьцзяне Такеш, Чжаосу.

Автономии Синьцзяна

Национально-территориальные автономии СУАР КНР осуществляются на трёх территориальных уровнях: автономные районы, автономные округа и автономные уезды, где компактно проживают разные национальности. Этим обусловлена разнородная структура национально-территориального устройства внутри СУАР КНР, включающая 5 автономных округов:

Или-Казахский (здесь вторым по величине этносом после ханьцев являются казахи); Боро-Тала-Монгольский (численность национальных групп в порядке убывания: ханьцы, уйгуры, казахи, монголы и др.); Баянгол-Монгольский (численность в порядке убывания – ханьцы, уйгуры, дунгане, монголы); Чанцзи-Хуэйский (второй по величине этнос после

ханьцев – дунгане); Кызылсу-Киргизский (на первом месте по численности уйгуры, на втором – киргизы), 6 автономных уездов, выделенных исходя из национально-территориального принципа, обеспечивают автономное управление других национальных меньшинств, помимо уйгуров. Кроме того, в составе СУАР имеются ещё 7 округов, 4 города, подчинённых автономному району, 16 городов окружного подчинения и 62 уезда [2].

В ходе инспекционной работы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в начале 2014 года Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что ЦК КПК всегда уделял повышенное внимание работе в Синьцзяне. Данный регион занимает особенно важное и стратегическое положение в партийной и государственной работе в целом, синьцзянские комитеты КПК и администрации всех уровней должны добросовестно проводить большой политический курс ЦК КПК в отношении работы в Синьцзяне в новых условиях, создать благоприятные условия для удержания и использования исторических шансов, реализации скачкообразного развития в Синьцзяне.

Национальные кадры

Важное направление региональной и национальной политики в КНР – управление в автономных районах с помощью национальных кадров. При этом используется национальный язык для ведения документации, учитываются обычаи и традиции данной народности. Этот вопрос затрагивался ещё в «Экспериментальном проекте по вопросам подготовки кадров из национальных меньшинств», утверждённом 24 ноября 1950г.

В 1952 г. были приняты «Основных принципах осуществления районной национальной автономии в КНР». Ст. 121 Конституции КНР закрепила положение об использовании языков национальных меньшинств органами самоуправления в территориальных автономиях. Закон КНР 2001 г. содержит требования учитывать при комплектовании Собрания народных представителей (СНП) пропорциональное соотношение представителей народностей и национальных меньшинств. Кандидатуры в СНП определяются в соответствии с принципами и нормами, закреплёнными в Конституции КНР (ст. 113) и Законе 2001 г. Выборы кандидатур возлагаются на постоянные комитеты СНП провинций, автономных районов и городов центрального подчинения [3].

Затем информация доводится до сведения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПКВСНП). В СНП национальных автономных территорий председатель и заместитель председателя должны быть граждане, представляющие народность, пользующуюся правом национально-территориальной автономии. При этом состав правительства СУАР КНР, органов исполнительной власти автономных округов и автономных уездов должны комплектоваться так, чтобы представители народности, пользующейся правом автономии, а также других национальных меньшинств были представлены в разумных соотношениях. В СУАР КНР в настоящее время кадры – представители национальных меньшинств на уровне окружения председателя и его заместителей занимают около 60% государственных должностей, а в общем по автономному району – порядка 80% начальников уездов, мэров городов и глав сельских районов – это кадры из национальных меньшинств.

В течение 50 лет после образования СУАР власти уделяют особое внимание подготовке кадров – представителей нацменьшинств. В 1950 году в Синьцзяне работало 3000 кадровых работников – представителей нацменьшинств, к 1955 году, ко времени образования автономии насчитывалось уже 47 тыс. кадров-нацменов, а сегодня их число достигло 338 тыс. чел. (52% численности кадровых работников автономии).

В районе насчитывается 256 тыс. специалистов и технических работников — представителей нацменьшинств, женщины – представители нацменьшинств составляют 66% женщин – кадровых работников. С 1999 года 3700 кадровых работников-нацменов из

низовых организаций южного Синьцзяна были направлены в северный Синьцзян на практику [4].

В целях реализации права на самоуправление органы самоуправления СУАР КНР наделены полномочиями, по объёму превосходящими полномочия других регионов материкового Китая. СНП СУАР КНР пользуется правами принятия административных актов регионального уровня наравне с аналогичными СНП провинций, не имеющих автономии, но, помимо этого, имеет право принятия уставных положений и специальных предписаний именно для автономии. Эти акты связаны со спецификой политического, экономического и культурного устройства народностей, проживающих на территории.

Языковые вопросы региона

В основе религиозной политики, проводимой китайскими властями, лежит принцип свободы вероисповедания, согласно которому каждый гражданин имеет право свободного вероисповедания, имеет также право не исповедовать никакой религии. Китай наряду с политикой свободного вероисповедания проводит также принцип разделения политики и религии, основные требования ко то рого — разделение религиозных обществ с правительством и учебными заведениями: во-первых, государственные власти не вмешиваются во внутренние дела религии. Все связанные с религией внутренние дела решают сами религиозные организации и ассоциации, правительство не имеет права выполнять функции религиозных организаций и ассоциаций; отношение ко всем религиям и их течениям независимо от масштабов одинаковое. Государственные власти не могут выделять и запрещать какую-либо религию, если проводится нормальное вероисповедание и религиозная деятельность. Во-вторых, религиозные организации и ассоциации не должны делить с государством власть, строжайше запрещается вмешательство религии в административные и законодательные дела государства, в образовательный процесс учебных заведений и социальное воспитание, в процессы брака и деторождения.

Многообразие национальностей, культур и жизненных укладов, очень часто несовместимых, противоречащих друг другу, ведет к появлению конфликтов. В основе этнополитических конфликтов лежит вопрос о независимости территорий Западного Китая. Этнические проблемы в Синьцзяне вспыхнули с новой силой в связи с усилением позиций фундаментально настроенных мусульман в 90-е годы XX века. Политическая группа «Исламская партия Восточного Туркестана» объявила джихад китайскому правительству, ставя своей целью уничтожить его присутствие в Синьцзяне. Возрождение идей независимости связано с активной деятельностью уйгурской диаспоры за рубежом. Руководство КНР осознает опасность такого положения и принимает различные меры с целью предотвращения кризисов.

Данный конфликт имеет свои историко-культурные корни, которые и предопределили его природу. В конце XVIII столетия Цинская династия, установленная в 1644 году, развернула программу территориальной экспансии на север и запад, установив китайскую сферу влияния в Монголии, Тибете и на территории современного Синьцзяна. Причём соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и их цивилизацией. От них требовалось только одно – признать суверенитет китайского правительства и соблюдать имперские ритуалы, являющиеся неотъемлемой частью китайской культуры. Внедрение в этническое самосознание малочисленных народов доминирующей китайской идеологии не способствовало их ассимиляции, так как «достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, порождая тем самым проблему сепаратизма...» [3, с. 35]. Поэтому присоединение СУАР к Китайской империи не привело к его интеграции в единое национально-культурное пространство. Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований, известный китаевед К. Сыроежкин

отмечает, что «незначительность численности китайского этноса, проживающего на этих территориях, компактность проживания коренных этнических групп и относительно кратковременный период их совместного проживания с ханьцами (СУАР был присоединён к Китаю лишь во второй половине XX в.), дополняемые чужеродностью по отношению к традиционной китайской культуре самой Цинской империи, делали практически невозможным процесс их естественной аккультурации», поэтому он принял принудительный характер [Там же, с. 34]. В этой связи справедливо высказывание К. Сыроежкина, что процесс аккультурации этнических групп, которые стояли «на достаточно высоком (для своего времени) уровне социально-экономического, политического и культурного развития», сопровождался зачастую навязыванием им культуры ханьцев структурами государственной власти [Там же, с. 36]. Стоит отметить, что глубоко укоренившаяся в сознании китайцев идея эксклюзивности собственной культуры, представление о китайской цивилизации как о центробежной силе мировых процессов предопределили характер отношений к «неханьскому миру». В их понимании принадлежность к китайской нации – это великое счастье и честь. Поэтому весьма трудно китайскому сознанию, воспитанному в духе китаецентризма, понять причину сепаратистских настроений в Синьцзяне, стремление уйгуров к автономии.

После событий 11 сентября 2001 г. в США КНР примкнула к администрации Буша в борьбе с международным терроризмом, заявив, что и на территории Синьцзяна действуют международные террористические организации, которые получают деньги от «Аль-Кайды» и Бен Ладена. Одну из них «Исламское движение Восточного Туркестана» США в 2002 г. включили в свой официальный список международных террористических организаций, а позже – в список террористических организаций ООН. Если до 2001 г. напряженная ситуация в Синьцзяне не афишировалась и официальные данные не всегда отражали полную картину, то после терактов в Вашингтоне и Нью-Йорке официальный Пекин решил предать ее огласке. Так, в декабре 2003 г. официальный Пекин опубликовал первый в истории Китая список, куда вошли 4 мусульманских движения и 11 лиц (преимущественно руководители этих движений) которые считались причастными к террористической деятельности на территории СУАР.

За последние несколько лет борьба со стороны уйгурских организаций и групп на территории Синьцзяна несколько поутихла, однако с 2007 года они пытаются заручиться поддержкой мировой общественности. Их офисы функционируют главным образом в США (в Вашингтоне) и Германии (в Мюнхене), а также отделения в Турции, Бельгии, Казахстане, Киргизии; в Москве такое отделение закрыто. Они заявляют, что власти КНР притесняют уйгурский народ, его право свободного вероисповедания и свободного отправления религиозных обрядов, право самостоятельно определять свою политическую принадлежность. Как отмечают западные исследователи, например Фуллер Г. (бывший зам. председателя национального разведывательного совета ЦРУ США) и Липман Дж. (профессор истории в колледже Mount Holyoke), в последнее время в уйгурском движении произошел значительный сдвиг в сторону «национализма с религиозным подтекстом и эмоциональной окраской более универсального характера, т.е. уйгурские активисты на фоне борьбы США с мусульманскими террористическими организациями упирают на притеснения в развитии уйгурской культуры, искусства, национального самосознания, а соответственно и самостоятельного определения гражданами, какого государства они хотят. Исламу отводится религиозная роль отнюдь не знамени, под которым спланивается уйгурский народ в борьбе за свою независимость. Другой эксперт по уйгурскому вопросу Джоан Смит из Университета Ньюкасл (Великобритания) отмечает, что уйгуры в Синьцзяне находятся сейчас в «спокойном, прагматичном состоянии»¹² и считают лучшим для себя

заниматься работой, зарабатывая на жизнь, чем рассуждать на политические темы и быть в скором времени схваченным полицией.

Сужению социальной базы сторонников отделения национального района от Китая способствовало экономическое развитие, в результате которого в СУАР начал формироваться мощный промышленный комплекс, опирающийся в основном на нефтехимическую, легкую и текстильную промышленность. Были сделаны важные шаги по пути модернизации сельского хозяйства СУАР. Все эти факторы ведут к вовлечению экономики СУАР в единый хозяйственный комплекс КНР и формированию у значительной части его населения заинтересованности в сохранении единства КНР. Последнее в первую очередь относится к тем, кто занят в современных секторах экономики.

Однако в СУАР имеют место также и другие факторы, способствующие поддержанию у многих представителей ее неханьского населения стойких центробежных настроений. Сюда относятся наличие в Синьцзяне большого числа мелких и средних предприятий местной промышленности, интересы работников (в основном неханьцев) которых не требуют сохранения территориальной целостности Китая, в целом отсталого сельского хозяйства, односторонний характер индустрии СУАР, ханьская колонизация автономного района и военно-административные методы устранения всего того, что не отвечает интересам Пекина.

В Южном Синьцзяне, где доля предприятий местной промышленности выше, а ханьцев меньше, чем в северной части СУАР, центробежные настроения наиболее устойчивы. Этому также способствует влияние недавнего прошлого, когда Кашгария являлась главным очагом антикитайского сопротивления в Синьцзяне.

Необходимо отметить, что уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. За исключением деловых отношений, возникающих по причинам совместной работы, уйгуры и ханьцы не общаются между собой. Уйгуры не хотят социализироваться с ханьцами, используя различия в кулинарных пристрастиях, связанных с исламской религией. Каждый город в Синьцзяне состоит из «старого города», населенного только уйгурами, и «нового города», жителями которого являются не только ханьцы, но и уйгуры, работающие на китайских предприятиях. Тем не менее уйгуры прилагают много усилий, чтобы сохранить территориальное разграничение, делая основной акцент на различиях, обусловленных религиозными причинами [5].

Общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. В течение второй половины XX в. китайский язык стал официальным в государственных и образовательных учреждениях. В результате уйгуры, проживающие в городах, не могли устроиться на хорошую работу, так как не имели такого уровня образования, как и у мигрантов-ханьцев, что невозможно без обучения в школе, где преподавание ведется на китайском языке. Все это привело к большому уровню безработицы среди уйгурского населения, что, в свою очередь, привело к ожесточению уйгур против ханьцев, занимающих должности «белых воротничков». Ситуация усугубляется тем, что многие уйгуры не желали отдавать своих детей в ханьские школы, опасаясь, с одной стороны, этнической дискриминации своих детей со стороны ханьских сверстников, а с другой – желая сохранить национальную уйгурскую культуру. Недовольство уйгур возрастает также от осознания, что институционализация китайского языка ведет к более быстрому приспособлению новых ханьских мигрантов к новой социальной иерархии в городах, созданной одними ханьцами для других ханьцев, в которой нет места для коренных этносов [6]. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, где распространены диалекты, сильно различающиеся фонетически и лексически, вплоть до полного непонимания между их носителями, естественным образом избирают официальный разговорный язык путунхуа, что в дословном переводе означает

общеупотребительный язык. Идея его популяризации на территории всей страны в КНР закреплена конституционно.

С целью облегчения общения между китайцами по всей стране в КНР и была принята программа по распространению путунхуа. Этот говор, созданный на основе мандаринского диалекта, является единственным, на котором ведут свое вещание СМИ, на нем осуществляется обучение в школах. Местное уйгурское население преимущественно владеет только своим, специфичным для северо-запада Китая диалектом китайского языка. Таким образом, местное население, для которого китайский язык и так является неродным, вынуждено фактически осваивать его заново. Это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Далее, ставя своей задачей облегчение научного общения для дальнейшего развития приграничных районов, руководство страны разрабатывает план реформы образования в районах проживания национальных меньшинств. К примеру, начальное образование в СУАР осуществляется отдельно для лиц, говорящих на различных языках. То есть представители малых народов имеют возможность получить его на родном языке, а уже затем начинать углубленно изучать китайский язык как средство межнационального общения [7]. Однако на деле она имеет серьезные недостатки, в частности, не учитывает высокую сложность изучения двух языков с различными письменными системами для учащихся средней школы.

Что же касается высшего образования, то оно во всех вузах страны осуществляется с определенного времени только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению представителей коренных народов, обучающихся в университетах (до 2004 г. преподавание велось на двух языках, теперь же даже преподавание уйгурской литературы иногда ведется на китайском). Этот фактор представляется более серьезным для возникновения недовольства среди коренного населения. Вывод национального языка из сферы высшего образования и, как следствие, из научной сферы вовсе ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться. Они теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции, из-за чего все более удобным для использования во всех сферах жизни становится государственный язык. Многие западные исследователи при анализе культурной составляющей конфликта в Синьцзяне обращают свое внимание именно на лингвистический фактор. Западные исследователи, освещающие роль языковой политики КНР, также отмечают нарастающее культурные противоречия между китайцами и уйгурами [8].

Заключение

Традиционность и консервативность синьцзяньского общества становятся ответной реакцией уйгур и других этносов, населяющих СУАР, на те изменения, которые происходят в Синьцзяне. Это вызывает рост националистических и сепаратистских тенденций, на эти процессы накладывается религиозный фактор, усиливающийся в Синьцзяне. В регион активно проникают нетрадиционные для него течения ислама, в частности ваххабизм. Все эти процессы способствуют формированию протестного, конфликтного потенциала в Синьцзяне.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что политика китаизации, в первую очередь в сфере высшего образования приводит к проблемам, которые в дальнейшем благоприятно влияют на появление сепаратистских настроений, подогреваемые радикальной исламской риторикой, которая в моменты ухудшения взаимоотношений между населением и официальными властями достигает своего пика. Вместе с тем следует отметить неоднородность СУАР как в этническом, так и лингвистическом смысле, что создает дополнительные проблемы при составлении политических программ. Для поддержания

мирного существования в рамках одного государства, правительство должны стремиться к диалогу между 2 противоборствующими силами.

Литература:

1. Факты и статистика СУАР на 2015 год. Издательство распространения Учжоу.
2. Чжэн Кай. Национально-территориальная автономия в КНР: автореф. дис.канд. юрид. наук. М., 2009
3. Капицын В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика //Ars administrandi. Искусство управления. – 2013. – №3. – с.107-117. (соавтор – Яо Ван).
4. В Синьцзяне растет число кадровых работников – представителей нацменьшинств //http://russian.people.com.cn/31521/3730118.html.
5. Пшенцов П.С. Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskoj-obosoblennosti-v-formirovanii>
6. Smith N.J. Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese / N.J. Smith // Asian Ethnicity. Vol.3, № 2. 2002. September.
7. В.А.Клиновский. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте. Вестник Томского государственного университета. – 2012. – 2 (18). – с.140-143.
8. Dwyer Arienne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity Language Policy and Political Discourse. Washington, 2005.
9. Ананьина Дарья Александровна. "Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР" Гуманитарный вектор, vol. 13, no. 3, 2018, pp. 6-11.
10. Новичков Василий Сергеевич. «К вопросу о причинах всплеска уйгурского национализма и сепаратизма в СУАР КНР в конце XX - начале XXI в.» Вестник Томского государственного университета, no. 412, 2016, pp. 98-102.
11. Капицын В «Территориальная автономия как институт национальной политики в Синьцзяне» ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика, no. 5, 2013, pp. 143-152. (соавтор – Яо Ван).
12. Gao, Maomao. (2018). An Analysis of Ethnic Influence on Language: Mandarin or Xinjiang Mandarin?. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 10. 99-107. 10.2478/ausp-2018-0016.
13. Grbovic, Vladan. (2019). Ethnodemographic specifications of Xinjiang (P.R. of China). Zbornik radova - Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2019. 85-98. 10.5937/zrgfub1902085G.
14. Hu, Zhigao & Hu, Yuqi & Wang, Dandan. (2023). Population distribution and terrorist attack preference: evidence from Xinjiang, China. Security Journal. 10.1057/s41284-023-00407-z.
15. Nechayeva, Yelena & Kozhirova, Svetlana. (2023). XINJIANG AS A KEY REGION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE. Adam alemi. 95. 51-64. 10.48010/2023.1/1999-5849.06.

References:

1. Fakty i statistika SUAR na 2015 god [Facts and statistics of the SOAR for 2015]. Izdatel'stvo rasprostraneniya Uchzhou. [in Russian].
2. Chzhjen Kaj. Nacional'no-territorial'naja avtonomija v KNR: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [National-territorial autonomy in the People's Republic of China: abstract of the dissertation of the Candidate. Jurid. sciences']. M., 2009. [in Russian].

3. Kapicyн V. Sin'czjan-Ujgurskij avtonomnyj rajon Kitaja: territorial'noe samoupravlenie i nacional'naja politika [Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China: territorial self-government and national policy] //Ars administrandi. Iskusstvo upravlenija. – 2013. – № 3. – s.107-117. (soavtor – Jao Van). [in Russian].

4. V Sin'czjane rastet chislo kadrovyh rabotnikov – predstavitelej nacmen'shinstv [The number of personnel representatives of national minorities is growing in Xinjiang] //http://russian.people.com.cn/31521/3730118.html. [in Russian]. [Electronic resource].

5. Pshencov P.S. Problema jetnicheskoy obosoblennosti v formirovanii nacional'noj identichnosti korenogo naselenija na primere Sin'czjan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona KNR [The problem of ethnic isolation in the formation of the national identity of the indigenous population on the example of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China]. <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-etnicheskoy-obosoblennosti-v-formirovanii> [in Russian]. [Electronic resource].

6. Smith N.J. Making Culture Matter: Symbolic, Spatial and Social Boundaries between Uyghurs and Han Chinese / N.J. Smith // Asian Ethnicity. Vol.3, № 2. 2002. September.

7. V.A.Klinovskij. Jazykovaja politika KNR v Sin'czjane i ee rol' v kitajsko-ujgurskom konflikte [Language policy of the People's Republic of China in Xinjiang and its role in the Chinese-Uyghur conflict]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – 2 (18). – s.140-143. [in Russian].

8. Dwyer Arienne M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity Language Policy and Political Discourse. Washington, 2005.

9. Anan'ina Dar'ja Aleksandrovna. "Mezhjetnicheskij konflikt na territorii Sin'czjan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona KNR" Gumanitarnyj vector [Interethnic conflict on the territory of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China], vol. 13, no. 3, 2018, pp. 6-11. [in Russian].

10. Novichkov Vasilij Sergeevich. "K voprosu o prichinah vspleska ujgurskogo nacionalizma i separatizma v SUAR KNR v konce XX - nachale XXI v. [К вопросу о причинах всплеска уйгурского национализма и сепаратизма в СУАР КНР в конце XX - начале XXI в]" Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 412, 2016, pp. 98-102. [in Russian].

11. Kapicyн V. «Territorial'naja avtonomija kak institut nacional'noj politiki v Sin'czjane [Territorial autonomy as an institution of national policy in Xinjiang]» JeTAP: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika, no. 5, 2013, pp. 143-152. (soavtor – Jao Van). [in Russian].

12. Gao, Maomao. (2018). An Analysis of Ethnic Influence on Language: Mandarin or Xinjiang Mandarin?. Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 10. 99-107. 10.2478/ausp-2018-0016.

13. Grbovic, Vladan. (2019). Ethnodemographic specifications of Xinjiang (P.R. of China). Zbornik radova - Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu. 2019. 85-98. 10.5937/zrgfub1902085G.

14. Hu, Zhigao & Hu, Yuqi & Wang, Dandan. (2023). Population distribution and terrorist attack preference: evidence from Xinjiang, China. Security Journal. 10.1057/s41284-023-00407-z.

15. Nechayeva, Yelena & Kozhirova, Svetlana. (2023). XINJIANG AS A KEY REGION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE. Adam alemi. 95. 51-64. 10.48010/2023.1/1999-5849.06.

Кожирова С. Б.

Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан

E-mail:s.kozhirova@yandex.kz

ШЫҢЖАҢ: ЭТНОСТАР МЕН ТІЛДЕР

Аңдатпа. Бұл мақала ҚХР субъектісінің этникалық және лингвистикалық жағынан бірегей Саар ерекшеліктерін зерттейді. Ұлттардың, мәдениеттердің және өмір салтының алуан түрлілігі, өте жиі үйлеспейтін, бір-біріне қайшы келетін, қақтығыстардың пайда болуына әкеледі. Этносаяси қақтығыстардың негізінде Батыс Қытай аумақтарының тәуелсіздігі мәселесі жатыр. Шыңжаңдағы этникалық проблемалар ХХ ғасырдың 90-жылдарында іргелі мұсылмандардың ұстанымдарының күшеюіне байланысты жаңа күшпен басталды. "Шығыс Түркістан ислам партиясы" Саяси тобы қытай үкіметіне жиһад жариялап, оның Шыңжаңда болуын жоюды мақсат етті. Тәуелсіздік идеяларының жандануы ұйғыр диаспорасының Шетелдегі белсенді қызметімен байланысты. ҚХР басшылығы мұндай жағдайдың қауіптілігін түсінеді және дағдарыстардың алдын алу мақсатында түрлі шаралар қабылдайды. Зерттеудің негізгі мақсаты-ҚХР-ның саяси және экономикалық процестеріне СУАР тұрғындарының қатысу дәрежесін талдау. Өңірдегі ұлттық саясатқа талдау жасалады. Әдістеме даму бағдарламаларын, статистикалық деректерді және сараптамалық бағалауды талдауды, сондай-ақ аталған аймақтың тарихнамасын зерттеуді қамтиды. Зерттеудің негізгі міндеттері этностардың қазіргі жағдайын талдауды, жергілікті тілдердің білім беру жүйесіне тартылуын қамтиды, этно-діни сипаттағы перспективаларға баға беріледі " жұмыс барысында мақаланың жаңалығы анықталды-жергілікті жерлерде жиналған аудандар бойынша жаңа статистикалық деректер СУАР-ның болашақ дамуын болжауға неғұрлым икемді қарауға мүмкіндік береді. Зерттеу нәтижелері автономиялық округтің этникалық және лингвистикалық құрамының әртүрлілігін жақсы көрсетуге мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: ҚХР, СУАР, ПКВСНП, ұйғырлар, Ханьдар, Ислам.

Kozhirova S.B.

R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan

E-mail:s.kozhirova@yandex.kz

XINJIANG: ETHNIC GROUPS AND LANGUAGES

Abstract. This article explores the features of the XUAR as a unique, both ethnically and linguistically, subject of the PRC. The diversity of nationalities, cultures and ways of life, very often incompatible and contradictory, leads to conflicts. At the heart of ethnopolitical conflicts is the question of the independence of the territories of Western China. Ethnic problems in Xinjiang flared up with renewed vigor due to the strengthening of the positions of fundamentally minded Muslims in the 90s of the 20th century. The political group East Turkistan Islamic Party has declared jihad against the Chinese government, aiming to destroy its presence in Xinjiang. The revival of ideas of independence is associated with the active activities of the Uyghur diaspora abroad. The PRC leadership is aware of the danger of this situation and is taking various measures to prevent crises. The main purpose of the study is to analyze the degree of involvement of the residents of the XUAR in the political and economic processes of the People's Republic of China. The analysis of national policy in the region is given. The methodology includes an analysis of development programs, statistical data and expert assessments, as well as research on the historiography of the specified region. The main objectives of the study include an analysis of the current state of ethnic groups, the involvement of local languages in the system of appeal, and an assessment of the prospects of an ethno-religious nature" In the course of the work, the novelty of the article was revealed – New statistical data on the areas collected locally allow for a more flexible approach to forecasting the future development of the XUAR. The results of the study make it possible to better demonstrate the diversity of the ethnic and linguistic composition of the autonomous Okrug.

Key words: People's Republic of China, XUAR, PKWSNP, Uighurs, Han Chinese, Islam.

Сведения об авторе:

Кожирова Светлана Басиевна, главный научный сотрудник, доктор политических наук, профессор, Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан

Автор туралы мәлімет:

Кожирова Светлана Басиевна, бас ғылыми қызметкер, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан.

Information about the author:

Kozhirova Svetlana Basievnna, Chief Researcher, Doctor of Political Sciences, Professor, R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan.